

Юрий Тотыш

Болея душой

(из книги «Перкут» о жизни и судьбе шорского писателя

Софрона Сергеевича Тотыша)

...Критик Евсей Цейтлин в очерке об отце (альманах «Огни Кузбасса» № 3 за 1985 год) рассказывает такой случай. Софрон Сергеевич выслал рукопись повести «Записки шамана» в одно из московских издательств. Оттуда рецензент возмущенно написала: «Ваш герой ставит диагноз заболевания по цвету волос. Разве такое может быть?» Книжку тогда забраковали из-за подобных «придумок» автора. Отец потом показывал Евсею Цейтлину статью, опубликованную в «Советской России» о международном медицинском конгрессе, на котором был прочитан доклад о методах диагностики серьезных заболеваний по... волосам.

В повестях, рассказах, легендах Софрона Сергеевича разбросано множество уникальных сведений о жизни природы Горной Шории. Они получены от охотников, геологов и... шаманов. Да и собственные наблюдения автора значили много. Мать рассказывала, что отец обладал способностью понимать голоса растений. Он любил ходить в тайгу один, чтобы никто не мешал ему общаться с живой природой.

После выхода на пенсию Софрон Сергеевич жил очень активно: много писал, публиковал свои рассказы, заметки в мысковской городской газете, пробивал издание своих книг в Кемерове, ездил по Горной Шории, даже побывал в Томске, там поработал в архиве. В семьдесят лет он был еще довольно крепким человеком. Однажды мы с ним ходили по горам. Я вернулся домой весь взмыленный, уставший в доску. Отец выглядел свежим, энергичным. После похода я прилег на диван, а он пошел еще «покопаться» в огороде.

Но потом случилась беда. На Дальнем Востоке погиб мой брат Валерий в тридцать три года. Упал лицом на раскаленную плиту, получил ожег первой степени и к утру умер в больнице. Отец съездил на край света, привез тело сына. Последствием стресса стал сахарный диабет. Обычно жизнерадостный, он стал задумываться, перестал улыбаться, много пил воды.

Мать повезла его на Кавказ, где прошли лучшие годы его молодости. Месяц он прожили в Железноводске. Отец все больше лежал. А лежа, обдумывал свои произведения. Мысли, как всегда, записывал в тетрадях. Последние записи показывают, чем он жил перед смертью...

Творить — значит убивать смертью (Ромен Роллан)

Шория, где воздух чист и свеж!

Шория, где воды прозрачны и веселы!

Шория, где шепчутся кедры и ели!

Шория, где горы прекрасны и богаты!

На Земле, где умирают, — умрем вместе.

В Земле, где растут, — да будем расти.

...Есть народное поверье о том, что шкура волка обладает способностью предупреждать хозяина о грозящей ему опасности. В таких случаях шкура становится твердой.

О положительном мужчине говорят:

- глупых желаний у него не было,
- нелепых привычек и выдумок не замечалось,
- ни над кем не насмехался,
- не мстителен и независтлив,
- хотя он беден, но правдив.
- труженик ладный.

Труженик

...Старый столяр давно на пенсии. Он каждый день работает в своей маленькой мастерской под навесом: делает рамы для рассадника из привезенных чурок и досок, которые оказались кедровыми.

Сыркаш (так зовут столяра) работает с явным удовольствием, испытывая физическое наслаждение от своего труда.

Стружки и опилки распространяют вокруг аромат кедра. Я стою рядом, вдыхаю запах свежего дерева, любуюсь движениями своего приятеля, и силы вливаются в мое уже порядком одряхлевшее тело.

Звезда с неба упала (из прошлого)

Однажды в тихую темную ночь мой отец возвращался из Карчи домой. Ехал на санях по замерзшей реке Мрассу.

Скоро должен показаться поселок Тос. Бежит лошадь, поскрипывают полозья. Небо черное, ни одной звездочки не видно. И вдруг там появилась одна-единственная. К удивлению отца она все увеличивалась и увеличивалась, горела ярче и ярче. Потом упала на снежный берег реки.

Отец оставляет лошадь, подходит к месту падения, видит камень, по которому струятся огненные всполохи. Он подождал, пока небесный посланец не остыл, вернулся к лошади и поехал домой. Там он рассказал людям о том, что видел.

Через некоторое время приехали из города ученые, попросили его рассказать об упавшей звезде и показать место.

Отец хитро усмехнулся и ответил:

- Все это я видел во сне.

Мой дед говорил:

«Год возраста человека равен одному месяцу возраста собаки. Нашему Шарик — год. Тебе двенадцать лет. Значит вы ровесники.

В последний год своей жизни мой отец часто вспоминал события давно ушедших лет, связанных с его отцом, матерью, приятелями, и рассказывал о них в юмористической окраске.

Об отце

Отец ходил задумчивым. Людям казалось, что он заболел.

Однажды, когда он проходил мимо бревен, на которых сидели его друзья, кто-то из них остановил старика:

— Ты ча, Сергей, захворал что ли? Какое горе давит твою душу?

Отец кивнул в знак согласия и ответил:

— Лет десять назад я шел по этой улице. Вот так же народ сидел на бревнах. Там был и мой сват. Он рассказывал что-то людям и шибко размахивал руками. Когда я подошел к нему, тот сказал: «Вот Сергей может подтвердить, как я убивал медведя с белым галстуком». Я взял да кивнул головой. Дескать, это было. С тех пор болею душой — ведь вранье подтвердил!

О чем плачет мать

Однажды прихожу с работы, вижу — моя мать заливается слезами. Испугался: неужели кто-то обидел беспомощную пожилую женщину?

Спросил у жены, в чем дело. Она пожала плечами: «Не знаю!»

Потом я выяснил: оказывается, мать вспомнила, как у нее двадцать лет назад потерялась пестрая телочка в тайге. Теперь, как вспомнит о ней, так слезами заливается.

Прокоп Апонькин

В Новокузнецк приехал мой старый приятель Прокоп Апонькин. Выглядел он франтом: темно-синий диагональный костюм, красный галстук, пахнет дорогим мужским одеколоном.

Говорит:

— В конце концов я закончил десять классов, теперь хочу жениться на самой красивой девушке.

Прокоп устроился работать на почте, чтобы как-то познакомиться с «самой-самой».

— Тебя, кроме красоты, еще привлекают какие-нибудь достоинства женщин, например, домовитость, умение готовить, любить и воспитывать детей, верность мужу?

— Нет, для меня главное, чтобы она имела стройную фигуру и лицо, на которое бы все заглядывались.

Смотрю — он ходит с одной, другой, третьей.

Однажды выпил и зашел ко мне:

— Черт подрал этих красавиц. Они знакомятся со мной, чтобы побольше узнать о... тебе. А на меня совсем не обращают внимание. Понятно почему. Родители создали меня уродом. Глаза узкие, нос плоский...

И пошел ругать родителей за собственные неудачи.

Тон и содержание записей отца изменились за месяц до смерти.

Смерть

Нет на свете человека, который перед твоим лицом радовался бы и расцветал, все дрожат и немеют — все без исключения.

Нет такого шамана, который может убрать твою руку от обреченного. Когда ушла сила, пыл и страсти, ты одна ведешь нас к вечному покою. Иной раз вся земля дрожит от жестоких сражений, и только смерть дает успокоение и одевает все покрывом тишины.

Перед тобой, владычица седая, мы закрываем глаза, затыкаем уши и гоним тебя прочь. А — напрасно. Только твоя рука умеет снять боль, угнетающую нас. Только ты убираешь все наши недуги, все беды.

Слава тебе, Смерть!

Из записной книжки

...Вдруг я увидел, — нехорош мой вид: увяла кожа, сеть морщин бороздит щеки, десны остались без зубов.

А годы говорят: «У тебя седина в волосах. Лучшее время уж не воротить назад. Ты — глубокий старик!»

...Все вокруг расцветает и все радуется наступающей весне. Ясный день стоит над землей. Только мое сердце страдает и тоскует.

...Я понял, что не люблю мир земной, потому что в этом мире не смог достичь ни одной цели. Сердце наполнилось обидой. Оно устало от страданий. Их было так много у меня в пути...

...Многое я пытался разгадать в этой жизни, но ничего не сумел. Откуда боль, что грызет мое сердце? Не с неба ли?

...Проходят годы, я старею шаг за шагом и все больше чувствую усталость и безразличие.

Скоро ты умрешь

Я принес тебе весть — скоро ты умрешь.

Пусть другие говорят, что хотят, но я кривить душой не стану. Я прям и безжалостен — тебе спасения нет.

Я нежно кладу свою правую руку на тебя — скоро ты умрешь!

Труп, который останется после тебя, — это не ты, а навоз.

Страшно!

Страшно жить много-много лет. Видишь, как люди рождаются и умирают. А я, как свидетель, спокойно все живу и живу, ко всему привык, ко всему притерпелся. Меня не вгонишь в краску, я не знаю, что такое смущение. Мои чувства мертвы.

***

В последние дни перед смертью отец работал над легендой «Чазы-Пун»... «Мой дед рассказывал. То, что слышал от своего прадеда. Поле Чазы-Пун за нашим стойбищем не всегда было ровным и чистым, как нынче. В стародавние времена на нем громоздились большущие камни. Через них не проехать, не пройти.

Люди обижались на Чаягу-творца:

— Пошто так скверно сотворил это поле. От него никакой пользы. Только крылатые хищники притаскивают сюда добычу и разделявают свою жертву.

Паштык Комай освободил малюсенький край поля от камней и посеял ячмень. Уродился он шестигранным, крупным. Знать, плодородная земля лежала под камнями. Но как до нее добраться?

Однажды в начале лета люди стали боязливо шептаться: «Опасность появилась, надо прятать детей и женщин».

До уха старого Комая дошло, что на реке Айзас в глубокой пещере поселились два перкута, два большущих человека по имени Поеке и Айдуке. Высотой они с ель, лица у них, как стол. Оба смуглые, глаза и волосы черные, на поясах — ножи. Домашний скот не трогают, коосулю и оленя бьют камнем. Его кладут на ремень, раскручивают над головой и запускают. Камень точно попадает в зверя. Мясо вялят и едят.

Один каргинец (шорец) рассердил их. Тогда великан-перкут схватил его, поднял над головой и бросил товарищу, который стоял на другом берегу реки. Так они перебрасывали через воду каргинца туда и обратно, потом поставили его на землю и удалились, смеясь.

— Надо бежать, куда глаза глядят! — говорили люди.

Комай наморщил лоб, почесал три раза правый висок и сказал:

— Пойду к перкутам, поговорю с ними.

Народ еще пуще заволновался, стал отговаривать паштыка:

— Не ходи к этим великанам. Они рассердятся, бросят тебя через три горы, без твоей головы нам будет худо.

Но Комай не отступил. От стойбища зашагал в горы по берегу реки Айзасс. Когда он приблизился к пещере, вокруг было тихо и спокойно. «Однако хозяева ушли на охоту», — подумал Комай, осторожно заглядывая в пещеру. Оттуда послышался храп.

Перкуты спали на звериных шкурах. Когда Паштык приблизился к ним, Паеке открыл один глаз, дернул за руку своего приятеля и сказал:

— К нам пришел шор-кижи.

— Зачем мы нужны ему? — недовольно проворчал Айдуке.

— Я догадываюсь. Люди, зная, потеряли какую-то живность и подумали, что мы сожрали ее. Скажи ему, что мы не едим мясо домашнего скота. Пусть не пристаёт к нам, а то дуну, полетит отсюда как пушинка и еще будет перевертываться.

Айдуке не успел ответить.

Запротестовал Комай:

— У нас ничего не потерялось. Мы о вас, перкутах, худо не думаем. Мы слышали, что вы самые честные и добрые люди. Вот уже две луны около нас живете, а медовухи с нами не пили, толокно с медом не пробовали, жареное мясо не ели. Нам это обидно и оттого нехорошо на душе.

От удивления великаны сели.

Когда Комай привел в стойбище двух громадных гостей, люди побледнели, задрожали от испуга.

Паштык велел скорей костер зажечь, быка заколоть, принести целый тербишь толокна, меду.

Комай угощал перкутов, рассказывал:

— Мы живем неплохо. Скота у нас хватает, пчел тоже немало, но вот ячмень негде сеять. Видите, перед нашим стойбищем лежит каменистое поле. Если бы камни были поменьше, мы бы расчистили его и до урожайной земли добрались бы.

— Фу, эти камни ничего не стоит разбросать! — сказал Паеке.

— Раз плюнуть! — подтвердил Айдуке.

На другой день перкуты взялись за работу. Загудело, зашумело все вокруг. Камни величиной с печку со свистом летели в сторону реки. Там, падая на каменистый яр, разбивались на мелкие кусочки. Как чистят перкуты каменистый пун, приходили смотреть люди из других стойбищ, от восхищения глаза у них делались круглыми и они ладонями закрывали рты.

Скоро каменистый пун стал чистым полем. Люди поблагодарили перкутов, пожелали, чтобы их жизнь была долгой и, как гром, высокой.

— Не надо нам такое! — зашумели перкуты. — Мы хотим умереть.

И перкуты рассказали свою историю.

Когда-то они жили на берегу большой реки. Однажды старики увидели березу, которая принялась расти возле стойбища. «В наших местах появилось белое дерево. Скоро нашу землю займут белые люди. Нам теперь конец!» — сказали они.

Перкуты решили засыпать себя в землянках.

У Паеке была хорошая, славная жена. Росли двое ребятишек. Семейой добывали мясо, рыбу ловили. Никто никого не обижал, жили себе, совета старших слушали. И вот такая оказия, надо умирать! А делалось у перкутов так. Закрывались люди в землянках, укладывались на пол, ногами толкали столб и потолок с землей обрушивался на них. Все оказывались как будто в могиле и погибали от удущья.

Паеке помнил, как перед обрушением жена улыбнулась ему и сказала:

— Ложись с нами рядом, уйдем вместе!

Видел Паеке, как тяжелый потолок обрушился на мать, на жену и на двух детей. А он, трус, не сумел умереть. У Айдуке была мать и невеста. Они обе погибли. И теперь два великана влачат унылую жизнь.

— Мне снятся свои, — говорил Паеке. — Но никто не хочет со мной разговаривать, даже не глядят на меня.

— А я во сне вижу себя на берегу реки, — сказал Айдуке. — На другом берегу стоят мать и невеста. Невеста показывает на меня пальцем и говорит моей матери: «Смотри, вон твой сын!» А мать даже не смотрит на меня, бурчит: «Нет там, девушка, никого. Оттуда несется только зловонье!».

Рассказали перкуты свою историю, взяли заработанное и пошли в свою пещеру. Потом вдруг обернулись и спросили:

— Теперь поле очищено. Как оно будет называться?

— Чазы-пун, чистое поле, — ответил Комай.

Перкуты кивнули головой.

Через два дня паштык снова заглянул к ним в пещеру, но там уже никого не увидел. Перкутов след простыл. Больше их в нашей местности никто не встречал...

* * *

Перед смертью отца в его снах тоже навещали родители и давно умершие друзья молодости. Он рассказывал о таких встречах с тревогой. Закончив легенду, отец в тетради сделал последнюю запись:

— Прощай, мое вдохновение! Я много думал, много написал. Я уйду, а куда — сам не знаю. Не знаю, что ждет впереди. Так значит, прощай, мое вдохновение!»

Больше он не прикоснулся к ручке.

Болезнь брала его в оборот. Чирей на груди превратился в опухоль, которая побагровела и стала вызывать такие боли, от которых отец кричал. Мать вызвала «скорую помощь». Софрона Сергеевича привезли в больницу. Его осмотрел хирург и тут же взял на операционный стол. Опухоль вырезали.

Врачи сказали отцу, что у него диабет. Софрон Сергеевич не поверил, но, вернувшись домой, стал больше пить, ведь силы у него иссякали. Он похудел и сильно ослаб, очень мерз, особенно холодели ноги, так что приходилось все время класть под подошвы горячую грелку.

Мать не выдержала, вызвала врача. Участковая пришла, прослушала, осмотрела отца и предложила ему снова лечь в больницу. Он согласился. Его кололи, давали таблетки, но улучшения не было. Более того, левый глаз перестал видеть. Софрон Сергеевич был растерян, просил мать забрать его из больницы, что она и сделала. Взяла такси и привезла вечером отца домой. Ночь он провел спокойно, а утром с ним случился приступ — его сильно трясло, глаза дико смотрели в потолок, по телу проходили судороги. Где был слепой глаз, появилась шишка.

— Врачи будут резать, — сказала мать.

— Пусть хоть зарежут, но я не могу больше выносить таких мук, — ответил отец. — У меня болит все тело.

Мать вызвала врача, но тот не приехал.

Попыталась вызвать «скорую помощь» — такой же результат.

26 апреля в первый день пасхи отцу вдруг стало легче. Он поел на кухне, потом вернулся в спальню. Там поговорил с матерью о литературе. К утру она вздремнула. Проснулась от вскрика отца:

— Меня душит!

— Кто душит? — спросонья спросила мать.

Он молчал, потом сказал:

— Ноги отмерзают.

Мать положила ему грелку к подошвам.

Потом он стал задыхаться. Грудь и живот поднимались и опускались, воздух в легкие проходил с трудом, слышен был судорожный хрип. Так продолжалось несколько часов. На слова он не реагировал, воды, как обычно, не просил. В третьем часу дня 27 апреля 1981 года сердце у него будто булькнуло и остановилось. Он пожелтел и больше не дышал.

Мысковский лесхоз, где отец состоял на партийном учете, помог с похоронами — сделал гроб, памятник, выделил машину, его работники выкопали могилу на склоне горы, с которой открывался красивый вид на тайгу, на реку Мрассу.

На похоронах людей было немного. От общественных организаций Мысков никого не было, хотя Софрона Сергеевича знали все. Местная газета, где он печатался постоянно, даже не опубликовала соболезнование.

После похорон я вернулся в Кемерово, написал некролог от имени группы товарищей. Он был опубликован в областной газете «Кузбасс». Словом, кончина известного в Кемеровской области писателя прошла скромно и незаметно...

Вместо эпилога

Через год после смерти отца я решил съездить в Кабырзу, самое южное поселение Горной Шории. Софрон Сергеевич рассказывал о нем в повести «В верховьях Мрассу». Захотелось своими глазами посмотреть то, что описывал он.

За Темир-Тау поезд вошел в гористую зону, покрытую тайгой. Я уставился в окно вагона и непрерывно смотрел на пихтовый лес. От красоты природы меня оторвали похожие на поцелуи звуки. Я оглянулся и увидел невысокого тощего шорца лет сорока пяти, бедно одетого и пьянющего «в доску». Он тужился что-то сказать, но губы не подчинялись ему, получался громкий чмокающий звук.

В купе, кроме меня, обреталась еще молодая женщина с желтыми крашеными волосами, в мохеровой кофточке, в черной юбке, готовой треснуть по швам от натиска мощных бедер. Я знал, что она возвращается из Чехословакии и везет всяческое барахло, упакованное в два черных большущих чемодана, с которых она не спускала настороженных глаз.

Почему-то пьяный возбудил у женщины ярость. Она пантерой бросилась к нему, схватила за руки и так швырнула в коридор через открытую дверь купе, что бедный шорец как труп шмякнулся об пол. Меня до предела возмутила жестокость дамы. Я плечом оттолкнул ее так, что она толстым задом прямоком шлепнулась на нижнюю полку, и прошел в коридор, где поднял шорца за грудки, затащил в соседнее свободное купе и оставил там «отдыхать».

Когда вернулся в свое, моя соседка плотоядно жевала ломтики копченой колбасы, запивая газированной водой из бутылки. Она даже не взглянула на меня. Я уселся напротив, вынул толстый журнал из портфеля, полистал, захлопнул. Не хотелось читать.

...Однажды летом мы с дочерью попали в Шор-Тайгу, крохотный улус в пятнадцать-шестнадцать домиков на пологом берегу Мрассу. Я разговаривал с жителями, дочь фотографировала их для молодежной газеты. Когда мы усаживались вечером в лодку, чтобы отплыть от улуса, она вдруг спросила меня:

— Почему здесь все пьяные?

— От безделья! — не задумываясь, ответил я.

Работа не обременяет шорца в улусе. Месяц он «бьет» кедровые шишки в тайге, остальное время занимается в своем хозяйстве. У него на содержании корова, теленок,

поросята, куры, иногда лошадь. Вся эта живность с ранней весны до поздней осени кормит себя за околицей. Хозяину остается только спровадить ее туда утром и долго думать, чем заняться. Дома управляется жена, телевизора нет, радио тоже, газеты поступают случайно. Пытку жгучего безделья житель таежного улуса выдерживает три часа, а затем надирается вдрызг.

В Шор-Тайге я видел молодого крепкого мужчину, который в сильном подпитии валялся на спине возле забора и на вытянутых руках раскачивал над собой огромного лохматого пса, который от удовольствия тонко взвизгивал, обнажая страшные острые зубы.

Конечно, шорцы в таежных улусах спиваются не только от безделья. Их во многом первобытное сознание не защищено иммунитетом от алкоголя. Как неразумный ребенок тянется ручонкой к огню, так и таежный шорец — к бутылке, поэтому он становится легкой добычей государственных людей. Мне рассказывали о том, что в Кабырзинском лесхозе служивые насмерть бились за право закупать у шорцев кедровый орех. «Счастливицам» выдавали на руки крупные суммы денег, небольшую часть из которых они тратили на водку и представляли с «огненной водой» перед шорцами, как американские предприниматели перед эскимосами в прошлом столетии. Угостив жителей улуса, за бесценок забирали орехи. Так в таежной глубинке на здоровье коренного населения наживался государственный люд. Невольно при этом вспомнишь царя, который строго запрещал продавать шорцам алкогольные напитки...

В Таштаголе, прежде чем выйти из вагона, я зашел в купе к пьяному сородичу. Тот умудрился переместиться с нижней полки на пол и там распластаться. За моей спиной сидито задышал проводник. Я кивнул на пьяного и попросил служителя поезда:

— Пусть проспится!

— Пусть, — согласился проводник.

В тот день я переночевал в городской гостинице. В обычных номерах свободных мест не было. Меня до утра поселили в «люксе», обшитом деревянными панелями, с цветным телевизором, к кнопкам которого я даже не прикоснулся, думал о своей предстоящей встрече с людьми Горной Шории. Какие они сейчас?

...Утро было солнечным. Лучи освещали кровать, на которой я лежал. Вставать не хотелось. Посмотрел на часы. Было без двадцати восемь. Пора собираться. Через пятнадцать минут я должен освободить по договоренности «люкс».

Выйдя из гостиницы, я перешел железнодорожную линию и направился в кафе на первом этаже жилого дома старой послевоенной постройки. В маленьком зале сидели человек пять, женщина с ребенком и четверо мужчин с кружками пива в руке. Среди них молодой шорец в красной рубашке, синих джинсах и с бакенбардами. Я подошел к нему, спросил, как добраться до Кабырзы. Он поставил массивную стеклянную кружку с вонючей жидкостью на стол и пояснил: надо выйти к железнодорожному вокзалу, оттуда уходят попутки.

— За деньги вас любой шофер подвезет.

Я заказал ужин. Он оказался невкусным. С трудом поедая пшеничную кашу и попивая компот, слушал словоохотливого любителя пива. Его звали по-русски Вася. Он

родился в таежном улусе. В восемь лет попал в Таштагольский интернат, где начисто забыл родной язык. Окончил среднюю школу, потом горный техникум. Сейчас работает на Таштагольском руднике бурильщиком. В свой улус к родителям ездит в отпуск, но долго не может там находиться — скучно. Выдерживает неделю и сбегает в Таштагол.

Позавтракав, я попрощался с Васей и направился к железнодорожному вокзалу, который был рядом за мостом через бурную мелкую речушку. Неожиданно я встретил старую знакомую Надежду Устегешеву. Эта хрупкая смуглая женщина работала в местном туристическом центре. В свое время она частенько писала заметки в областную газету, сама приезжала туда. В редакции мы и познакомились.

Она очень обрадовалась, встретив меня. Когда узнала, что я собрался пройти по местам жизни героев повести «В верховьях Мрассу», с грустью сказала:

— Там мало что изменилось. Только еще хуже стало.

Мы помолчали. Потом я спросил:

— А как у тебя?

— С мужем-шорцем разошлась. Сейчас думаю о том, как я могла выдержать столько лет жизни с ним. Пьянствовал, бил. Теперь у меня муж русский. Тоже пьет, но в меру. Меня пальцем не трогает и, кажется, даже любит. Я довольна. Вот только с сыном беда. Он не может отца забыть. Скучает по нему.

Мы разговаривали. Мимо проезжал «уазик». Надежда подняла руку. Машина остановилась. Женщина подошла, открыла дверцу и стала что-то говорить шоферу, потом обернулась ко мне: «Садись, Юрий Софронович! Он едет в Кабырзу. Довезет!» Я обрадовался, попрощался с Надеждой. Поехали, дорога пересекала живописные долины, поднималась на вершины гор и снова убегала вниз. Я вырос в городе, но мои предки жили в этих местах и генетическая память при виде таежной местности воскресала во мне. Я смотрел на картины, которые стояли вокруг, и на душе мне делалось так хорошо, так хорошо, что я под звуки работающего мотора машины начинал произносить слова отцовской песни:

«Я люблю петь в тайге, особенно когда еду верхом на коне. Вокруг тебя в листве поют птички, ручей вплетает свою мелодию в перезвон. Кажется, что даже ветер поет...

Твой задушевный голос и простой мотив раздается над просторами широкой тайги. Услышав тебя, запекает кукушка и вдруг закатится весенней трелью жаворонок. Хорошо!».

С таким настроением я добрался до Кабырзы. Там устроился в Доме отдыха у подножья горы и на берегу притока Мрассу. Место было великолепным. Из окна моей комнаты открывался вид справа на домики поселка. Слева возвышалась могучая гора Кара-таг. О ней когда-то отец даже сочинил легенду.

«Когда-то добрый бог Ульген спустился с горы Кара-таг в долину Мрассу, чтобы поглядеть, как здесь люди живут. Идет он по дороге, посматривает вокруг. Думает — я шибко отличаюсь от людей земли: ростом выше и видом — красавец. Увидят люди меня, у кого горе или обида, прибегут и расскажут.

И вот встретился ему один старик. Упорно глядя на творца, сказал, жалуясь:

— Есть у меня сын, слабый и все болеет. Был я у шамана Кара-баш. Он поглядел на сына и сказал: «У вашего сына нет жизненной силы, поэтому ему трудно бороться за свое существование. Жизнь есть быстрое течение реки и справиться с ним может только крепкий человек. Не понимаю, почему вы рождаете детей такими слабыми. На кого вы надеетесь? Кто им силы даст жить?»

Ульген внимательно слушал.

Старик возмущенно продолжал:

— На свет рождаются не только крепкие и сильные, но слабые и нежные. Мы видим в тайге есть и толстые кедры, и мягкие цветы с бархатистыми лепестками. Кедры и цветы живут, здравствуют, радуются.

Выслушав старика, творец пошел к шаману.

— Ты, Кара-баш, лечи сына старика. Не отлынивай, помоги старому человеку. Он заслужил внимания.

— Ладно, постараюсь, — кивнул головой Кара-баш. — Сделаю, что под силу, хотя это будет нелегко.

Кара-баш шаманил, шаманил и — бросил, махнул рукой.

— Не получается. Сына старика вылечить невозможно, слишком он слаб. Не могу же я отдать ему свою силу.

Прошел год. Сын старика умер. Об этом узнал шаман и признался, что лечил его шалай-валяй. Если бы как следует взялся, то выжил бы парень обязательно.

Дошли слова шамана до творца. Осерчал он на Кара-баша:

— Значит, ты то, что можешь сделать, не делаешь. Доброму делу не помогаешь, к чужому горю безразличен. Раз так, — будь с сего дня птицей, питайся червями гниющих деревьев.

Теперь птицы летают на Кара-таг, ищут там гниющие деревья, чтобы добывать там пропитание...»

Мне тоже хотелось подняться на Кара-таг, оттуда осмотреть Горную Шорию. Договорился с директором лесхоза, тучным с астматическим дыханием пожилым человеком, насчет лошади и проводника. Через день, когда солнце поднялось над горой и склоны залило светом, в комнату ко мне заглянул сынишка сторожа дома отдыха:

— Дядя Юра, к вам!

Я вышел на крылечко. Напротив переминались две лошади: серая, тучная, — под седлом, каурая, жилистая — под худошавым средних лет шорцем с низко надвинутой на лицо черной кепочке.

Шорец показал верхний желтый зуб. Я как взглянул на него, так и заулыбался во весь рот:

— Здравствуйте! Голова не кружится от поездки в Новокузнецк?

— Не кружится, — смущенно ответил седок.

— Но ты был хорош! — переходя на ты, сказал я. — Толстую пассажирку завалил на нижнюю полку, сам улегся на ковровой дорожке вагона.

— Мы с ребятами выпили в городе. Они усадили меня в поезд и еще бутылку дали. В Кузедееве в мое купе вошел какой-то мужик, на стол поставил коньяк. Я добавил еще свою горилку. А что потом было, не помню. Открыл глаза, лежу в другом купе, надо мной проводник, говорит: «Вставай, шорец, иначе через час обратно поедешь в Новокузнецк». Я, конечно, поднялся и на попутке на следующий день к утру добрался до Кабырзы...

Поговорив с Геннадием Петровичем (так звали моего проводника — он работал в лесхозе помощником лесничего), я пошел собираться. У меня не было походной одежды и снаряжения. Пришлось обратиться к сторожу нашего дома отдыха. Тот сидел в своей пятистенной хате на табурете перед эмалированным тазом с калиной и перебирал красные ягоды. Выслушав меня, сторож поднялся, натянул на себя спортивные штаны и повел меня через двор к маленькому приземистому строению, похожему на пчельник, открыл дверь, вытянул вперед руку и щедро предложил:

— Выбирай!

«Пчельник» до отказа был набит брезентовыми куртками, резиновыми сапогами, фуфайками и сетями. У меня разгорелись глаза от обилия походного снаряжения. Я подобрал болотные сапоги и брезентовую куртку. День начинался теплый, солнечный. Я не собирался ночевать на Кара-таге, поэтому оснастился легкой одеждой и обувью.

Во дворе Геннадий Петрович, любезно улыбаясь, подвел ко мне Серого, могучего мерина с большим животом. Он выгнул хвост и протяжно пукнул, таким оригинальным способом приветствуя меня.

Я подошел к левому боку Серого, просунул носок сапога в стремя, руками взялся за луку седла и только спружинил, чтобы взлететь на круп, как почувствовал ощутимый удар в бедро, словно кто-то вальком хлопнул меня. Я испуганно, глянув вправо, увидел копыто у брюха лошади, оно грозно дергалось вверх-вниз.

— Лягается! — воскликнул я.

— Апу! Апу! — удивился Геннадий Петрович. — Такой смирный мерин. С чего он так осерчал?

Мы нашли выход. Геннадий Петрович поставил Серого к плетеной оградке. Я взобрался на эту оградку и с нее без приключений забрался в седло.

От дома отдыха узкая каменистая тропинка круто спускалась к реке. Лошади, привычные к горам, уверенно находили опору в камнях. Чтобы не мешать им, мы опустили поводья, качнулись назад, отчего стремяна выставились вперед и подошвы уперлись в них, как в стенку.

Когда копыта зачавкали по отмели голубоватой реки, Геннадий Петрович обернулся ко мне, его черные глаза блеснули из узких азиатских щелочек.

— Хозяин-то шибко балует Серого, — простодушно сказал он. — Говорит с ним как с человеком, сахаром угощает.

Теперь мне стала понятна нервозность мерина. Я взглянул на себя его обидчивыми глазами. Этаким самонадеянный пижончик подскочил фертотом, заегозил у стремени, а на него ноль внимания, будто он бетонная тумба, а не живое существо... И тут я понял воспитанность и человеколюбие Серого. Если бы он даже в четверть силы двинул меня, то лежать бы мне сейчас на столе хирурга. А он лишь толкнул меня копытом, как бы сказал:

— Эй, парень, не колготись под ногами!

Вгорячах я даже не почувствовал боли, но теперь, двадцать минут спустя, она жгуче расплывалась по бедру. Пришлось пальцами поглаживать ушибленное место сквозь брюки.

Мне захотелось загладить свою вину перед Серым. Я наклонился, ласково потрепал его шероховатую шею, извинился. Серый опустил морду, шумно подул на воду, показывая, что не слышит меня. Видно, обида глубоко засела в его сердце...

Мы пересекли скошенное поле. Не доезжая с полкилометра до Кабырзы, повернули влево к Мрассу. Страх охватил меня, когда лошади забрели в мутную стремительную воду. Несколько дней назад в горах пролился обильный дождь, река вздулась, убыстрила свой ход. С каждым шагом лошадь глубже и глубже проваливалась в текущую жидкость. Вот уже мои болотные сапоги на три четверти скрылись под водой. Если лошадь поплывет, то и мне придется последовать ее примеру. Такая перспектива меня совершенно не вдохновляла. Не хотелось купаться, хотя и в солнечный, но осенний день в горной ледяной реке.

Но Геннадий Петрович знал, куда двигаться. Его сухощавая лошаденка обогнала моего могучего мерина и забурлила навстречу течению. Через минут пять она медленно и уверенно стала выходить из воды. Серый двинулся за ней. Я почувствовал, как уменьшилось давление на мои сапоги. И вскоре лошади, хотя они были на середине реки, выбрались на мель. Это меня тоже расстроило. Скучность воды — верный признак анемии природы.

Я спросил Геннадия Петровича:

— Раньше Мрассу был глубже?

— Двадцать лет назад я чуть не утонул возле берега. Теперь летом, не снимая штанов, перехожу реку, — последовал невозмутимый ответ.

Я замечал признаки хронического заболевания природы не только в мелководной Мрассу. Когда мы с Геннадием Петровичем поднялись на гриву Кара-тага, перед нами открылись горы Шории, покрытые сорными травами — березой, тополем, осинкой. Среди желтых нарядов темнела редкими пятнами хвоя.

Как я не шарил глазами вокруг, так и не смог найти знаменитые кедровники, которые выкормили десятки поколений шорцев. Мне вспомнился разговор с начальником Шерегешского лесозаготовительного участка Алексеем Павловичем Пивоваровым.

Он открыл неприятную для меня истину. Пока общественность буянила, защищая кедровники Шории, лесозаготовители молчком вырезали плодоносящие деревья, выбили самок. Остались пожилые, ни на что не годные, разве только на древесину. Теперь порубки запрещены, но победа оказалась пирровой. Кедровник обречен.

Алексей Павлович успокаивал меня. Через триста-четырееста лет черневая тайга оживет. Но в это слабо веришь, особенно когда видишь громадные проплешины в горах. Сокращается зона леса, от этого воды становится меньше, а жизнь слабеет.

— Природе надо подсоблять, — говорит Геннадий Петрович, покачиваясь в седле. — У меня есть деляны. На них я высаживаю кедр, пихту...

Мой проводник работал помощником лесничего. Чувствовалось, что лес для него самое важное и нужное в жизни. Он с такой гордостью перечислял деревья, которые высаживает. У меня даже поднялось настроение. Может, я излишне трагедизирую ситуацию. Читал где-то, что лесоводы разводят плантации крупношишечных, высокоурожайных кедров. Почему бы в Горной Шории не заняться этим, особенно местному населению? Шорцу пора бы стать мастером созидательных дел, вроде того, кто подгоняет, склеивает осколки разбитой дорогой посуды. Сейчас природа тоже находится в разбитом состоянии. Пока не поздно, надо подобрать и восстановить все, что осталось. Приятно все-таки, что находятся люди, которые отдают жизнь этому и скромно, внешне незаметно делают свое очень важное дело.

За километра три до вершины Кара-тага склон стал резко вздыматься, и бедному Серому пришлось почти вертикально поднимать меня наверх. Это давалось ему с большими потугами. Он хрипел, его шкура потемнела от пота. Я почувствовал, что надо помочь лошади и спрыгнул на землю. Мерин скосил на меня лиловый, очень внимательный глаз. Я погладил его шелковистую морду между ноздрями и прошел вперед по тропе. Серый затопал, шумно задышал за моей спиной.

Скоро тропинка подвела нас к родничку возле толстой поваленной пихты с обрубленными ветвями. У ствола, видно, потопталось немало народу. Трава здесь была примята, а вокруг родничка выстрижена до камня. Я обрадовался. Какое блаженство сейчас после многочасового перехода в жаркий день напиток! Но делать это надо осторожно, иначе все внутренности застудишь ледяной влагой.

У родничка на темной старом пенечке стояла пустая консервная банка из-под шпрот. Я набрал в нее воду, ополоснул, вылил и снова зачерпнул, пропустил крохотную прохладную каплю в рот на язык. Когда она согрелась, проглотил. Словно вкусный шарик прокатился в желудок.

Геннадий Петрович уселся на ствол рядом с родничком, приставил руку козырьком к черным бровям и, подняв глаза на солнце, которое скатывалось вниз, деловито сказал:

— Однако заправиться пора!

Я смущенно промолчал. Бывалые люди говорят: «Пошел в горы на час — бери продукты на день, пошел на день — бери на неделю». В суматохе сбора я забыл об этом и не прихватил даже краюхи хлеба. Теперь голод ощутимо ворочался в желудке.

Между тем Геннадий Петрович из бокового кармана пиджака извлек круглый сверток, положил рядом на ствол, развернул его, открыв добрый шматок мелко нарезанного сала, полбуханки пшеничного домашнего хлеба и восемь кирпичиков сахара.

— Подсаживайтесь! — кивок на продукты.

Я не дал себя упрашивать. Так решительно взялся за хлеб и сало, что уши заходили ходуном. Только вот не стал есть сахар, взял четыре кусочка, подошел к Серому, который рядом обкусывал стебли травы, ласково погладил ему шею и протянул на ладони белые кирпичики. Он мягкими, теплыми губами сгреб лакомство и с наслаждением захрумкал, покачивая вверх-вниз мордой. Кажется, между нами устанавливалось полное взаимопонимание. Пообедав, я решил один сходить на вершину горы, до которой оставалось всего ничего, километра полтора. Геннадий Петрович с лошадьми задержался у родника. Сытый и довольный, я двинулся сквозь заросли карликовых деревьев. Вокруг ветвями шумел ветер, раздавались какие-то шорохи. Я вслушивался, и меня вдруг охватило волшебное чувство слияния с природой, будто это во мне колыхались маленькие деревья, свистели птицы, над головой расстилалось синее небо. Возникло такое ощущение, что я иду по тайге как бы во сне.

Тропинка вывела меня на крохотную полянку, и тут я увидел молодую девушку. Она остановилась и сосредоточила свой взгляд на мне. Она показалась мне ослепительно красивой. Это была шорка, но совсем не похожая на своих сородичей. Белое маленькое лицо, огромные зеленоватые глаза, черные брови дугой, тонкий с горбинкой носик, яркие пухлые губы и длинные черные волосы, заплетенные в две толстые косы. Таких красивых шорок я не видел никогда. В руке у девушки был туесок, наполненный какой-то черной ягодой.

Я так и замер, глядя во все глаза на это чудное явление. В голове вспомнились рассказы отца о горных девах, которые нередко встречаются молодым людям в таежной местности. Но я далеко не молодой. И вот тебе на — встретилась.

Девушка улыбнулась мне, раздвинула ветки изящным движением и растворилась в зеленом море тайги. Только тогда я обрел способность двигаться и за несколько минут добрался до вершины. Повсюду темнели пирамиды кристаллических пород, вокруг которых расселился густой кустарник, уже пожухлый, с ободранной ветром листвой.

Я забрался на каменную «бородавку», и дух захватило от вида, который открылся перед моим взглядом. Далеко внизу синим серпом лежала Мрассу. Эта река занимала особое место в творчестве отца. Она присутствует почти в каждом его произведении. Софрон Сергеевич даже сочинил легенду о ней.

«Было это очень давно, когда, нагромождаясь, вырастали горы и между ними, разливаясь, потекли большие и малые реки.

Там, где с утренней стороны плечом к плечу стояли Абаканские горы, выросла и похорошела скала Кабусь. Днем она белела, как кандык, а ночью сверкала ярче серебра.

Однажды красавица Кабусь, изумив родных и знакомых, от жарких лучей солнца родила дочь. За синие глазки и спокойный нрав ей дали имя Мара-зас, что значит кроткая. А люди стали называть ее ласково Мрассу. Новая речка росла смирной, ее плача никто не слышал, ее капризов не видел. Она текла без волнения, тихо напевая:

У меня бессмертный дед Пустаг,

У меня славная бабушка гора Огудун.

Шли годы. Мрассу стала взрослой. Третью весну она слышала в стороне, где восходит солнце, сильный и могучий голос Кара-Тома:

Любимая страна моя!

Вы, голубые горы!

Дайте дорогу к реке Мрассу!

Я хочу видеть и слышать ее!

— Рада бы к тебе, Кара-Том, но выслушай, о чем шумят и гудят мои братья, Абаканские горы! — воскликнула Мрассу.

— Куда ты рвешься, сестрица? — гудели братья. — Теки на восток по степи Оленгазы, где живет племя Аба. От столицы Абакана уйдешь прямо в объятия к седому старику Хему. Он, увидев тебя, молодую и красивую, запляшет от радости на одной ноге. Хем — труженик, у него будешь жить в большом достатке.

— Не ходи к Хему! — грозно молвил Пустаг. — Что может быть общего у молодой девушки со старым пердуном. Теки лучше, внучка, к стройному Бия на запад. Он делец, у него спокойная натура. Ты, внучка, тоже спокойная. У вас жизнь будет течь ладно.

— О, не ходи к дряхлому Бию! — зашумела бабушка Огудун. — Он такой медлительный, на ходу спит. Век с ним длинным покажется. Лучше ступай к Кара-Тому. Где любовь, там свет.

— Я знаю, куда мне подаваться, — сказала Мрассу и весело погнала свои воды на восток.

Вдова Манак-гора разлеглась перед ней, чтобы пошептаться со своим другом Шаман-горою.

Мрассу заволновалась, стала просить Манак-гору дать ей дорогу, открыть путь. Но вдова не хотела и слушать. Она прижималась к щеке Шаман-горы и ласковыми словами называла его.

Время летело. Мрассу билась в западне, огороженная каменными стенами, синие волны шумели, двигались, забирались к самым вершинам гор.

Волнение Мрассу услышал Кара-Том. Он не терпел тех, кто стеснял чью-то свободу. Он рванулся навстречу Мрассу, разрушая берега, швыряя огромные камни, опрокидывая скалы.

— Мрассу, перебирайся ко мне! — закричал Кара-Том. — Вместе потечем к деду Пустагу, вершине земли.

Мрассу, услышав голос Кара-Тома, осмелела и подступила к Манак-горе, завела спор.

— Куда ты, девушка, рвешься? — возмутилась вдова. — Я не позволю тебе ласкать Шаман-гору. Ты еще молодая и не знаешь, что любовью никто не делится.

— Не нужен мне твой старый Шаман! — рассердилась Мрассу. — Дай путь к сильному и молодому Тому!

— Фу! — махнула рукой Манак. — Что хорошего нашла ты в этом юнце. Он ничего не понимает в прелестях женщин.

Еще долго бы длился спор между девушкой и вдовой, если бы не человек. Он разобрал камни Манак-горы и, обращаясь к томившейся в неволе красавице, сказал:

— Теки к своему любимому!

Мрассу встрепенулась, заходила, забушевала, сильней налетела на Манак-гору. Покатились огромные камни, обрушились утесы. В этом месте появился большой порог. Люди назвали его Убу, что значит бурный.

А Мрассу быстрее бегуна помчалась к милому Кара-Тому. Они встретились ниже Альчуковского мыса. Дальше текут реки Мрассу и Кара-Тома, прижавшись к друг другу, неразлучные навеки, поблескивая в лучах яркого солнца».

Сверху я смотрел, как внизу красивая река еще только устремлялась к далекой Томи, огибая названные в легенде горы, которые стлы напряженными островерхими вершинами. Казалось, в них заключена грозная живая сила. Именно здесь на Кара-Таге я душой понял, почему шорцы с древнейших времен обожествляют горы.

Я сидел на вершине, как зачарованный. С моим сознанием произошло нечто необъяснимое. Я вдруг почувствовал рядом своего отца. Ощущение было такое, будто мы сидим на скамейке на обрывистом берегу Мрассу под толстой сосной в Мысках. Он рассказывает, как изучал окрестности Кабырзы, а потом писал повесть о молодом шорцетажнике, который встретил русскую девушку и полюбил.

Голос отца звучал настолько явственно, что я осторожно повернул лицо влево и увидел старичка, широколицего, с узкими шорскими глазами и седой бородкой клинышком.

— Ты кто? — изумленно спросил я.

— Хозяин Кара-Тага, — последовал ответ.

— Значит, ты знал моего отца?

— Я знаю всех, кто здесь бывает.

Я моргнул глазами, старик исчез. В мое сердце вошло благоговейное радостное чувство. Ради такой встречи с горным духом стоило пересечь мотни километров, бросив все насущные домашние дела. Мне вдруг показалось, что именно горный дух притянул меня сюда на вершину, чтобы сказать нечто важное...

Посидев еще полчаса, я поднялся и стал спускаться осторожно с «бородавки». Минут через пять вновь оказался у родника, где находился мой проводник и задумчиво покуривал дешевую сигарету.

Я извинился:

— Заставил вас ждать!

— Не беспокойтесь. Я не терял здесь времени, — ответил помощник лесничего, улыбаясь и обнажив желтый зуб.

Тут мое внимание переключилось на окрестность родника. Если раньше она была похожа на место, куда ходят коровы и люди на водопой, и попутно гадят, — грязь, истоптанная копытами и сапогами, пластмассовые порванные разноцветные мешочки, коробки от сигарет, зеленая чашка с пробитым дном, ржавая ось от телеги, неизвестно как попавшая сюда. Теперь ничего подобного здесь не было. Весь мусор был сложен в ямку и закопан. Рядом темнела еще одна ямка для будущих отходов. Вокруг родника зеленел свежий дерн, а к воде вела аккуратная дорожка. При виде такого порядка даже свиноподобный поведет себя пристойно. Словом, пока я любовался природой с большой высоты, мой проводник в поте лица помогал ей, ограждая от разрушения.

Мы взобрались на лошадей и двинулись вниз. Когда выехали из густого ельника, то остановились. Тропинка по гриве круто спускалась вниз, а перед глазами обозначился необозримый горный простор. Геннадий Петрович показал рукой на далекую горушку, похожую на плешивую голову и растроганно сказал:

— Там был мой улус.

— А теперь?

— Две семьи живут. Остальные разъехались.

Я стал расспрашивать своего спутника, пока спускались вниз по гриве, о житье-бытье в улусе, кто чем из жителей занимался. Оказалось, что улус когда-то был центральной усадьбой небольшого колхоза, который на своих фермах держал коров, свиней, овец, сдавал государству сотни центнеров мяса, молока. В конце пятидесятых словно Мамай прошелся по хозяйству. Теперь от него остались только воспоминания. Я спросил Геннадия Петровича, для чего это было сделано.

— Тогда требовался лес, а не молоко и мясо. Леспромхозы открывали, колхозы закрывали, чтобы жители рубили тайгу, — ответил он.

Дальше мы поехали молча. Каждый думал о своем. Я думал о том, как нечистая сила заставила народ, который жил тайгой, вырубать лес — своего кормильца, а потом бросила этот народ на произвол судьбы, когда леса не стало.

В Усть-Кабырзу мы возвращались другим путем. Когда склон горы стал выпрямляться, съехали с горы вправо, пересекли поля с темно-серыми стогами, а затем по невероятным кручам заскользили в долину Мрассу. Спуск был настолько опасным, что я несколько раз предлагал Геннадию Петровичу слезть с лошадей и прогуляться пешком. Но тот спокойно отвечал, что за лошадой не стоит беспокоиться, они не переломают ноги, выберутся, надо только не мешать им. После такого совета я опустил поводья, положившись на опыт проводника и умную волю Серого. В самом деле через полчаса мы, целые и невредимые, оказались в низине и поехали вдоль реки. Солнце уже пряталось за горы, на зеленом подросте заливного луга тянулись вечерние тени.

Наконец мы оказались на проселочной дороге, которая шла среди колючих кустов боярышника. Вскоре услышали взрывы смеха, потом мужские и женские голоса. Чувствовалось, что впереди люди и они о чем-то спорят, но — весело. «Компания пирует на свежем воздухе!» — подумал я.

Объехав толпу молодых сосенок, мы увидели на поляне у реки мужчин и женщин в свободных позах. Мужчина, большой, животастый, стоял, как монумент, раскорячив ноги-тумбы. Под ним на траве лежала молодая красивая женщина. Рядом восседала другая смуглая особа, на коленях которой уложил лохматую голову мужчина с рыжими усами. Еще парочка сидела у скатерти с тремя бутылками водки, буханкой хлеба и горкой зеленых огурцов.

Первым подъехал к компании Геннадий Петрович. Сразу же красивая женщина вскочила на ноги, пантерой прильнула к лошади, хватая ее под уздцы и выкрикивая:

— Петрович, милый, дай прокатиться!

Мой проводник заулыбался. Его каурая неприязненно отстранилась от пылкой дамы. Большой мужчина что-то сказал. Я не расслышал что, но его голос прозвучал требовательно. Геннадий Петрович ответил ему. Мужчина перевел взгляд в мою сторону. На его лице отразилось не то смущение, не то страх. Издали трудно было разобрать.

— Петрович, ты бяка! — кокетливо ругнула моего проводника женщина, отошла от лошади и вновь завалилась на траву, однако ноги не стала задирасть, а культурненько вытянула их.

И тут Серый подвез меня к компании.

Я поздоровался.

Мне разноголосно, но дружно ответили.

Серому компания не понравилась. Он обогнул ее и пошел рысью. Через минуту я уже скакал рядом с Геннадием Петровичем.

— Что за люди? — любопытно спросил я.

— Мои начальники с женами.

Я с уважением взглянул на своего проводника. Как достойно и в то же время деликатно он повел себя с пьяными руководителями. Уже подъезжая к Усть-Кабырзе, я спросил Геннадия Петровича:

— Что же вы сказали пузану?

— Что за мной едет большой начальник из обкома.

Тут Геннадий Петрович попал в точку. Малого начальника можно напугать только большим.

В Усть-Кабырзе я прожил еще четыре дня. С Геннадием Петровичем больше не виделся. Но в моей памяти он остался, как очень чистый горный родник. Не из таких ли источников вытекало творчество Софрона Сергеевича?

* * *

Отец был любителем народных шорских сказаний. В завершение моих воспоминаний о нем хотелось бы предложить читателю несколько найденных мною в рукописях.

Как старуха ходила в гости к дочерям

Старуха зашла к старшей дочери. Старшая удивилась, что мать к ней ночевать пришла, и сказала:

— О мать, ты можешь поспать здесь, но дом у меня маленький, негде постелить. Иди лучше ко второй дочке.

Пришла старуха ко второй дочке. Эта дочь тоже сказала:

— Ты, мама, наверное, шла через мост, чуть запоздала. Мы в это время все продукты съели. Видишь, сковородка пуста. Иди к третьей дочери.

Пошла старуха к третьей. Эта дочь тоже сказала:

— Вот беда, я только что отдала еду собаке. Видишь, чашка пуста.

Пошла старуха к четвертой дочери. Было уже поздно, дочь постелила постель и сказала:

— Ничего, ночь как-нибудь проспешь.

Зять разбудил жену и приказал напечь блины, потом разбудил старуху и накормил...

Павел и его жена Марке

Павел как выпьет, так сердится на весь белый свет. Начинает избивать свою жену, потому что это ему под силу.

Пил вино Павел, пил — и наконец умер.

Его жена Марке горько оплакивала смерть мужа. Люди даже удивлялись. Жили Марке и Павел не так чтобы дружно, а как она переживает!

Прошло два месяца. Марке как-то крепко выпила и рассказала мне:

— Павел бил меня всю жизнь. Я побила его только один раз, когда он пришел домой сильно пьяный. Он даже не смог хватить меня за волосы и отвалтузить.

Тогда я еще раз напоила Павла водкой, потом взяла сама его за волосы и стучала головой об пол, и била до полночи.

Утром, проснувшись, Павел говорит:

— Ох, как сильно болит голова. Я не падал вчера?

— Нет! — ответила я.

После этого муженек мой и месяца не протянул. Вот как я рассчиталась за долгое издевательство мужа.

Сама Марке тоже долго не протянула. Спилась и умерла.

Вот как бывает!

Волк и гусь

Волк поймал гуся и давай его трепать. Гусь кричит и просит:

— Подожди! Я в твоих руках, съесть меня всегда успеешь. Дай перед смертью поплясать. Ты заглядишься, как я интересно пляшу.

Волк подумал: «В самом деле, куда этот жирный гусь денется?» и, потеплев голосом, сказал:

— Ну, валяй, пляши!

Гусь крутанулся перед хищником и улетел.

Волк с сожалением произнес:

— И зачем мне сдалась эта самодеятельность?

В лесных труппах

Щемящая тоска, словно когтистой лапой, давила сердце старого охотника. Впереди у него, может быть, еще ряд годов, никому не нужных в одиночестве. Впереди старость, он это знает. Перестанут слушаться одряхлевшие ноги, затуманятся слезой глаза, изменит верная рука, и назойливая хворость навалится на ослабевшие плечи.

«Нет, не бывать этому!» — думает старый охотник и невольно бросает взгляд на свое ружье. Не изменит ему испытанный друг, когда понадобится его последняя помощь. Горячий свинец найдет дорогу к одряхлевшему сердцу. Рухнет отживший человек на шелковистый мох, как падает старый великан-кедр под напором зимней вьюги.

Цветок любви

Говорят, существует цветок любви. Но вот беда — он редко встречается. Как-то весной собрались девушки, парни и пошли в лес по колбу. Идут, и никто никому ласкового слова не скажет, никто ни на кого тепло не взглянет. Вдруг один парень, показывая рукой на одинокий чудный цветок, громко крикнул:

— Ребята, смотрите, что за красоту родила наша плодородная земля!

Девушки и парни подбежали к цветку, сияющему всеми цветами радуги, так что глаз не оторвать.

Цветок источал запах счастья. Сердца молодых воспламенились, наливаясь горячим томлением и нежной лаской. Парни и девушки стали глядеть друг на друга приветливо. В глазах у всех появился блеск и загадочная игра. Дышать стало легко и хорошо. Захотелось слушать приятные и утешительные слова. Загорелось желание кого-то опекать и о ком-то думать, за кем-то ходить, за кого-то болеть и кого-то любить.

У молодых появилась тяга к счастью, у старых разгладились морщины и угасла скупость. Только колдуну Ордо не нравилось, что молодые женятся по своему выбору. Ему не хотелось менять старый порядок, где все было наоборот. Он рано утром отправился к пещере и в ухо хозяйке ветров зашептал:

— Э, Сары-Кыз, вставай! Люди собираются менять старые обычаи. Сорви и унеси цветок любви подальше от нашего аула.

Потом колдун вышел и выжидающе вглядывался на усыпальню властительницы ветров. Вот она выбралась из своего жилья, потирая спину, глаза. Колдун посмотрел на обнаженную прекрасную женщину и даже облизнулся.

Сары-Кыз матнула головой и сразу закачались деревья. Глядя на Ордо, хозяйка улыбнулась, одела тонкие, как паутинка, платья и весело закружилась. Она прямо на глазах хорошела, сияя красотой, и все увеличивалась. Вот уж заняла полнеба, задорно засвистела и взмахнула рукой. Зашумел лес, завывли горы. Ветер дул все сильнее и сильнее. В воздухе слышались свист, хохот и стоны. Сары-Кыз крутилась без устали в легком танце.

Ордо, довольный, пошел домой. Вокруг него гудела, бушевала буря, гнулись осины и березы, падали пихты и ели, с корнем вырывались сосны и вечные кедры.

Ордо бросился туда, где рос цветок любви. Но к великому его удивлению, цветок где стоял, там и стоял, как всегда веселый, сияя разноцветными лепестками.

Сары-Кыз зашептала в ухо колдуну:

— Не в моих силах убрать цветок любви...

Так что огорченный Ордо кое-как доплелся до дома.

Любовь

Парень нашего поселка влюбился в девушку, и так сильно, что занемог и несколько дней пролежал в постели. Родители пригласили шамана, чтобы тот помог больному.

Шаман посмотрел на парня и спросил:

— Девушка очень красива?

— Очень! — пылко ответил парень.

— Тогда нарисуй ее. Я через десять дней приду и посмотрю, какая она на самом деле.

Ушел шаман, а парень принялся за работу. Рисовал и рисовал, а все не получалось. Бедняга старался днем и ночью, пока на бумаге не возникло сходство с оригиналом. Когда портрет был готов, исчезла и болезнь...

Медведь

Медведь захотел похвастаться. Давай рыть землю и в сторону кидать огромные камни. Потом вызвал соседей и говорит:

— Видите, какие камни я набросал!

— Зачем и для чего ты это сделал? — спросили соседи.

— Чтобы показать свою силу.

— Ну, ну! — покивали головой соседи и ушли. И никто не похвалил могучего чернобурого.

На улице

Идут по улице двое. Навстречу молодая девушка.

Первый толкнул в бок другого и говорит:

— Видишь, какая прекрасная девушка идет нам навстречу?

Второй оглядел красавицу и спрашивает приятеля:

— Что же в ней красивого?

— Глаза, точно у горной косули. Маленький аккуратный носик. Губы, словно лепестки полевого цветка.

— Ничего ты не понимаешь в женщинах, — сказал второй. — Погляди, какая у нее попка, бедра, груди. Она и в самом деле красива.

Девушка прошла мимо парней, чувствуя на себе их взгляды. Один был ласковый и нежный, другой — алчный и нахальный. И она вдруг подумала, что у этих двоих пути скоро разойдутся.

Шабур

Один бросил в костер новый шабур.

— Зачем ты это сделал? — удивился второй. — Одежда совсем новая, ее можно было еще долго носить.

— Нет! — возразил первый. — Мой товарищ попросил этот шабур на праздник. Я дал ему, он надел его и устроил драку. Зачем мне такой шабур?

Из записной книжки

...Самое трудное — распознать лживого человека.

...Кто расположен к тебе и кто настроен враждебно, можно узнать только в серьезных делах.

...Нагим я пришел на землю, нагим сойду в землю. Стоит ли стольких трудов конец мой нагой.

...Говорят: всякая женщина — зло, но дважды бывает хорошей: или на ложе любви, или на смертном одре.

...Наверное, каждый рано или поздно задает себе вопрос, чего я добился в жизни?

Сила любви

Вася и Аня сильно любили друг друга. Они были молоды, и родители не разрешили им пожениться. Придя в отчаяние, они решили отравиться. Пошли к знакомой знахарке и попросили яду. Знахарка дала им какие-то таблетки. Вася и Аня пришли домой, закрыли изнутри дверь, а ключ выбросили в форточку. Потом выпили все таблетки и стали ждать, когда наступит смерть. Скоро у них забурчало в животах. Оба заметались по комнате, пока понос не очистил их от «яда». Оказывается, знахарка дала им слабительное. После этого случая Вася и Аня больше не встречались.